

Валерий Рубин

г. Брамптон, Канада

ПИСЬМА С ФРОНТА

Война... Чем дальше, тем меньше живых её участников, очевидцев. Приходится обращаться к документальным свидетельствам, разбросанным в мемуарах, книгах, письмах с фронта. Одно из таких писем я храню как зеницу ока. Оно было получено от отца – и адресовано мне, когда я едва ли мог сознавать, что происходит вокруг, где я и что со мной. Всё, что осталось в памяти от тех лет, – заботливые руки матери, которые поддерживали меня, когда я только учился ходить.

Отца давно уже нет – он рано ушел из жизни, – и я перебираю его военные фото, те, что покоятся в семейном архиве. Потускневшие, они хранят память о нём, воскрешают его, молодого, с горячим взглядом и сердцем, полного сил и надежд.

Он окончил Ленинградское артиллерийское училище (ЛАУ) и, ещё будучи курсантом, успел поучаствовать в финской кампании, перед тем как разразилась ТА война.

Отцу повезло: он вернулся. Всего одно ранение плюс контузия. Служил в артиллерии, как её называли в то время, – Бог войны. Выходит, Бог его хранил. Хорошо помню, сколько раз я ощупывал бугорок на его руке, под которым прятался осколок от мины. Отец не хотел его удалять, да и рассказывал о военном прошлом неохотно.

О письме с фронта... Вот оно...

Смерть немецким оккупантам!
ПРОСМОТРЕНО
Военной цензурой...

выше черты не писать

Мой дорогой малыш!

18.12.43

Сейчас ты ещё не можешь прочитать этой открытки, тебе её прочтет мама или бабушка. Но пройдут годы, и, если сохранится эта открытка, а вместе с ней моя теплота и любовь к тебе, ты узнаешь, что встречая новый 1944 год на фронте отеч. войны, твой отец всегда помнил о тебе, носил и носит твоё фото у сердца, как самый дорогой талисман, мечтая о встрече с тобой, как о великом празднике. Одна из чарок будет за тебя, расти богатырём, чаще вспоминай батьку и жди его с победой.

Тв. отец

ниже черты не писать

Не всем удалось попасть на фронт, бить фашистов. Кто не подошёл по возрасту, кто – по здоровью. Многие трудились в тылу, как моя мама. Как мой дядя.

Дядя... Это был необыкновенный человек, безо всяких прикрас.

После перенесённого в детстве менингита он полностью потерял слух. Тем не менее учился в обычной советской школе, поступил в Ленинградский университет. В военные годы работал в тылу на лесозаготовках для фронта, потом – учителем, журналистом.

Если смотреть со стороны – обычная для той поры биография: учёба, работа, общественная деятельность... Став председателем Кировской областной организации глухих, видным хозяйственником, он увлёкся поэзией, издал несколько книжек стихов.

Позднее, полуослепший и почти отрезанный от внешнего мира, замурованный в своей «жемчужной раковине», он – это покажется невероятным – продолжает писать!.. Надо было держать в памяти целые стихотворные пласты, расставляя их в од-

ном ему известном порядке, вносить неизбежные коррективы.

Могу свидетельствовать: сквозь всё его творчество красной нитью проходило огромное уважение к Человеку. Не абстрактная любовь к человечеству, а вера в конкретные добрые дела, скромность, милосердие, преданность Родине. Он искренне верил, что «жизнь хорошая придёт, где мерой – человечность»...

Когда он ушёл из жизни, его заметки, записи о военном лихолетье попали ко мне. Я знаю, он хотел, чтобы я их не только сохранил, но и опубликовал. Что я и делаю по истечении времени.

Брат мой, Лёвка...

Казалось бы, привычное дело. В сердце и голове сохранились детские впечатления. Под рукой – письма, личный архив. Всё духу не хватало взяться за эту тему. Но откладывать «на потом» уже не мог. И нельзя. И вот ложатся на бумагу строки о нём, о двоюродном брате, лётчике, погибшем смертью храбрых всего за несколько недель до конца войны. О Лёвке.

Сколько помню себя, едва научившись стоять на ногах, мы всё время проводили вместе: играли, сидели за обеденным столом, бегали, учились, словом, были неразлучны как близнецы. Вместе пошли в школу. Наши родители жили тогда в сельце Озерье, на Смоленщине.

В третьем классе я заболел менингитом и полностью потерял слух. Привык, приспособился. Рядом были родители, учителя, ребята. Лёва больше других сидел со мной над задачками: трудно давалась математика. В летние каникулы мы всем классом помогали взрослым всюду, куда нас пускали. В свободное время ходили по грибы-ягоды, купались.

Так протекали детские годы. Очень я переживал, когда соседи уехали из села. Встретиться с Лёвой мне больше не довелось.

1940 год. Я поступил в Ленинградский институт журналистики имени В. В. Воровского. Прошёл строгий конкурсный отбор, сыграли свою роль и публикации в районной газете.

С Лёвой мы переписывались. Он сообщал, что учится в лётной школе в Борисоглебске. Помню, в одном из писем была такая строчка: *«Если бы ты знал, как хорошо в воздухе!»*

Война...

За день до вступления фашистов в Смоленск, где я проходил практику в газете «Большевицкая молодежь», мне предложили эвакуироваться на восток – последним поездом... Лишь в 1943 году узнал через родных, что Лёва воюет на истребитель-бомбардировщике. Меня же по инвалидности на фронт не брали.

1945 год. 2 мая советские войска вошли в Берлин, водрузили красное знамя Победы над рейхстагом... Мы, студенты, жадно ловили вести с фронта.

И вот наступило утро 8 мая. Я сидел на скамейке в сквере у здания университета. И вдруг все замерли, прислушиваясь к репродуктору на столбе. Победа!.. Со слезами на глазах обнимались, целовались все без разбору. Наверное, только я один не слышал ликующего голоса Левитана, радостных криков людей, которых переполняли эмоции. И мне было и обидно, и легко. Не стыдился в тот момент своих слёз. Хочется думать, что была в нашей общей победе и моя доля – ведь не только учился, но и работал в тылу.

Запоздавшая весть о гибели Лёвы стала страшным потрясением.

Много лет спустя узнал, что в музее посёлка Свобода Калининградской области открыт стенд, посвящённый лётчику Льву Певзнеру. Там, в центре посёлка, находится братская могила, где похоронен и Лёва.

В очерке журналиста Майи Литвиной об открытии музея говорилось: «До войны в посёлке Жуковка жила семья Певзнеров и славилась она сыном – Лёвой. Красавец, умница, добрейшая душа. Родительская гордость и опора. В детстве Лёва мечтал стать лётчиком и упорно готовился покорять воздушное пространство. Когда врачи сказали ему, что летать он не сможет, он не стал спорить. Просто добился своего. Помогли занятия спортом, воля, упорство».

Приводимые далее выдержки из писем Лёвы могут дать некоторое представление о патриотическом настрое советских людей

в годы битвы с немецко-фашистскими захватчиками.

Мне это хотелось бы особо подчеркнуть, поскольку у ряда российских писателей и публицистов, в трудах историков зачастую прослеживается тенденция к умозаключениям совсем иного рода – видимо, в угоду тем, кто пытается оправдать развал Советского Союза, опорочить реально существовавшую дружбу народов «республик свободных» и переписать историю по своему разумению и в собственных интересах.

Таким полезно бы напомнить: в солдатских письмах из окопов просто нет места фальши.

Из письма Лёвы 13 июня 1944 года сестре (за его плечами уже более 2 лет войны):

«Снова был в Москве. Получил там себе “птичку”, на которой начинаю действовать. Птица именная – называется “Москва”, подарок от Моссовета. Постараюсь вместе со своими ребятами оправдать эту высокую честь».

Из письма Лёвы от 01.11.44 родителям:

«Теперь фрицы чувствуют и очень крепко, на своей шкуре, что такое война. Я очень рад, что мне удалось бить немцев на их же земле... И каждый день хочется отомстить за все муки и страдания нашего народа. Ни сил, ни жизни я для этого не пожалею».

С боевым опытом Льву Певзнеру доверяют командовать звеном истребителей.

27 марта 1945 года, возвращаясь с боевого задания, самолёты попали под сильный зенитный огонь фашистов. «Птичка» Лёвы загорелась... В том бою погиб не только он. Ребят похоронили в братской могиле под Калининградом.

Из письма командования воинской части п/п 29601 от 20.05.45 г. родителям Лёвы:

«...Вы уже знаете о судьбе старшего лейтенанта Певзнера Льва Вениаминовича, который в сражениях с немецко-фашистскими захватчиками проявил мужество и отвагу, погиб как верный сын Родины, защищая её честь и независимость. Мы знаем, что вы тяжело переживаете утрату своего сына, но нелегко переживаем и мы

преждевременную смерть Лёвы, любимца всего личного состава части и отличного лётчика-истребителя».

Далее в письме говорилось, что Лёва «сделал много боевых вылетов на бомбардировку и штурмовку противника, отлично выполняя любое задание командования. Его боевые заслуги оценены правительством орденами “Отечественной войны” I и II степени». За смерть друга «лётчики части жестоко мстили врагу до последнего дня войны».

Таких писем-извещений воинскому начальству приходилось отсылать немало. Но в этом – помимо обычных слов утешения – чувствуется искренняя боль: погиб любимец части. Потому и получилось оно таким «неформальным».

Символично, что могила, где лежит Лёва, – братская. В ней покоится прах русских, украинцев, татар, евреев...

Есть у меня не один десяток стихотворений, связанных с военными годами. Они складывались порой почти произвольно, под впечатлением пережитого, увиденного собственными глазами.

Находясь как-то в Белоруссии, под Минском, завернул к памятнику на невысоком холме. Не так важно, у какой воинской могилы мы стоим. Важно всегда помнить о них, отдавших жизнь за Родину.

И вот – стихи...

Высокие буйные травы,
Закатный оранжевый диск.
И символом воинской славы –
На рыжем холме обелиск.
Тропинка почти незаметна.
Ступени к могиле круты.
Алеют, кивают приветно
Разросшиеся цветы.

Клоню свою голову ниже
У мраморных в трещинах плит.
Прости меня, Родина: выжил,
А он вот, убитый, лежит.

Пред ним в этом яростном мире
Всегда в неоплатном долгу.
Ташу на плечах годы-гири
И память о нём берегу.

Брат мой, Лёвка... Ты со мной. Ты – с нами. Всегда.